

Варвара Жданова

Три карты Незнакомки

О теме Прекрасной Дамы в отечественной классической литературе

«Денисов сидел перед столом и трещал пером по бумаге. Он мрачно посмотрел в лицо Ростову.

- Ей пишу, - сказал он.

Он облокотился на стол с пером в руке, и, очевидно обрадованный случаю быстрее сказать словом все, что он хотел написать, - высказывал свое письмо Ростову.

- Ты видишь ли, друг, - сказал он. – Мы спим, пока не любим. Мы дети праха... а полюбим... и ты Бог, ты чист, как в первый день создання...»

Л.Н. Толстой «Война и мир»

Тема рыцарского служения Ей в отечественной литературе получила самое яркое развитие в поэзии Александра Блока. В память о художественных исканиях Блока назовем рассматриваемую романтическую и сентиментальную линию творчества темой Прекрасной Дамы.

Мы подошли к рассмотрению темы – развитой и дополненной позднее, но уже явственно обрисованной Пушкиным в «Пиковой даме».

Если попытаться найти слово, высвечивающее идейно-художественную суть пушкинской повести, возможно, таким словом будет: проповедь.

От Пушкина (чье творчество Достоевский назвал «пророчеством и указанием») классической литературой воспринято осознание писательства как духовного проповедничества, пробуждающего живые души. «Пиковая дама» стала одним из «опорных» пушкинских произведений в развитии темы нестяжательства последующими поколениями русских художников.

Германн сам не знает, о чем тоскует его душа, снедаемая страстями и скепсисом. Вероятно, по вере.

Лиза – воплощение веры Германна. Умершая графиня является ему подобно внезапно заговорившей совести.

«Все ее знали, и никто не замечал», - говорит Пушкин о Лизе. Возможно, следует понимать шире это утверждение. Человеку свойственно верить, даже не замечая того. Он, бессознательно стремясь к свету, добру, к хорошему, знает Бога, не догадываясь об этом. Речь идет про обретение Бога в собственной душе.

Германн отказался от возможности обрести любовь Лизы, отказался от Божьего мира ради погони за богатством.

Игроки стремятся обрести счастье в картах. И выигрывают деньги (или проигрывают). Значит, они соглашаются с чертовым утверждением, что богатство и есть счастье, или, что счастье можно купить. Пламенные романтические натуры влечет к картам мгновенное ощущение власти над судьбой. Игра становится искаженной проекцией мира, игрок – маленьким Наполеоном, распоряжающимся людьми, как колодой карт, «тасующим» их по своему усмотрению. Но культурный человек (будь то маркиз XVIII столетия или молодой русский офицер начала XIX века) даже в болезненном увлечении понимает, что карты – игра, а жизнь – жизнью. Не таков дикарь и одиночка Германн. Для него карты заместили искусство (к которому он имеет способности), любовь и стали в его сознании точной моделью общественных отношений.

Урок повести не в бытовой конкретике: Германн сошел с ума и попал в Обуховскую больницу, в 17 номер. Повесть утверждает: человек лишивший себя веры («Дама ваша убита», говорит Чекалинский) остается в хаотическом, деструктивном, безумном мире.

Призрак старой графини является перед Германном. Графиня называет три карты.

« - ... Прощаю тебе мою смерть, с тем чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне... ».

Иначе говоря, Герман внезапно понимает: он может обрести веру в служении Лизе. Но одновременно, как он считает, ему удалось постичь механизм азартной игры, теперь, он, кажется, знает три карты. Он ошибается, роковая ошибка...

О старухе-графине в пушкинской повести:

«Она участвовала во всех суетностях большого света, таскалась на балы, где сидела в углу, раздурманенная и одетая по последней моде, как уродливое и необходимое украшение бальной залы; к ней с низкими поклонами подходили приезжающие гости, как по установленному обряду, и потом уже никто ею не занимался».

Образ вечной женственности, Прекрасной Дамы, сближается у Пушкина с понятием совести.

Но идеал веры был дискредитирован веком наслаждений, вера сменилась докучной обрядностью. Как-то теперь прожить хрупкой идеальной Лизе?

Хрупкая идеальность – то, что объединяет образы молодой графини и Лизы у Пушкина. В спальне старой графини, куда проникает Германн: «по всем углам торчали фарфоровые пастушки» – как бы застывшие слепки Лизы. Лиза – брошенный идеал для Германна, желающего покинуть «смиранный свой уголок».

Молодая графиня неповторимо прекрасна, она покоряет Версаль.

За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.

А.С. Пушкин «Сказка о царе Салтане»

У Пушкина в «Сказке о царе Салтане» находим сказочно-счастливое разрешение темы Прекрасной Дамы. Князь Гвидон женится на царевне.

Молодая графиня в «Пиковой даме» – чудная и загадочная. Ангел она или, скорее, «милый демон»?

В «Каменном госте» Пушкин вывел образ такого «милого демона» – ветреную актрису Лауру – подружку Дон Гуана.

На вопрос, что будет, когда Лаура превратится в старуху, ветреница не может ответить, предлагает не думать об этом.

Пушкин дал своей героине имя идеальной возлюбленной Франческо Петрарки, воспетой в его сонетах. Трагизм в том, что Пушкин выводит идеал дискредитированный. Как поверить в непогрешимость Лауры?

Сложная преемственность обнаруживается при сравнении «Незнакомки» Блока с пушкинской «Пиковой дамой».

Герой обоих произведений пьет в ресторанчике (трактире), а затем его посещает видение. Германну, как известно, заглянув в окно, явилась старуха. Герой Блока счастливее в своем веровании. Чудная Незнакомка «в туманном движется окне».

В стихотворении говорится о «глухих тайнах» (тайна трех карт?), о «порученном» ключе (ключ дает Лиза выходящему из дома Германну) и о «чудовище» («чудовищем» называет Лиза Германа, как «убийцу старой ее благодетельницы»).

Если попытаться цветовым сочетанием определить внутренний эмоциональный фон «Пиковой дамы», он, думается, будет черно-белым, может быть, с редким вкраплением красного (цвет человеческих страстей). Таким же представляется эмоциональный фон «Анны Карениной». Блок, вероятно, остро, поэтически чувствовал это сходство.

В «Анне Карениной» видим две параллельные любовные линии: испепеляющая страсть Вронского и Анны, и радостная любовь Левина и Кити, освященная браком. Совершенство композиционной структуры – в двойном пересечении (или скреплении) основных любовных линий. В начале романа Вронский увлечен Кити (а Кити немного «надуманно» влюблена в него). В одном из эпизодов ближе к концу романа Левин внезапно всей душой потянулся к Анне.

Как представляется, Блок чутьем замечательного писателя ощущал важность менее заметного второго «композиционного скрепления» (Левин – Анна).

О мотиве «Анны Карениной» в «Незнакомке».

Герой «Незнакомки», как бы, оказывается на месте Левина, пившего и игравшего в карты в Английском клубе, а потом поехавшего знакомиться к отверженной обществом Анне.

Дома Кити упрекает Левина:

« - Ты влюбился в эту гадкую женщину, она обворожила тебя. Я видела по твоим глазам. Да, да! Что ж может выйти из этого? Ты в клубе пил, пил, играл и потом поехал... к кому? ...

Наконец он успокоил ее, только признавшись, что чувство жалости в соединении с вином сбили его и он поддался хитрому влиянию Анны и что он будет избегать ее».

В стихотворении Блока Незнакомка – «идеальный сплав» черт Анны и Кити.

Герой «Незнакомки» - вовсе не сломленный человек, вообразивший проститутку ангелом. Он человек сильный и самостоятельный, сумевший увидеть прекрасное в женщине, отверженной пошляками.

В первом томе «Анны Карениной» заболевшую Кити родители везут за границу на воды. На водах в это время живут баронесса Шталь и ее воспитанница Варенька. Баронесса Шталь, известная своей набожностью и таинственными связями с деятелями христианских церквей, на поверку оказывается злой, честолюбивой ханжой. Деятельная в любви к ближним Варенька, ставшая другом Кити – образ многогранный. Варенька лишена веселого оживления – главного очарования Кити.

Шталь и Варенька – вариация пушкинских образов «Пиковой дамы» - старуха графиня и ее воспитанница Лиза. Толстой слегка смешивает,

объединяет в баронессе Шталь пушкинские образы графини и таинственного графа Сен-Жермена.

Много лет назад, когда умер новорожденный ребенок баронессы Шталь, ее родные «подменили ей ребенка, взяв родившуюся в ту же ночь и в том же доме в Петербурге дочь придворного повара. Это была Варенька».

Мотив волшебной сказки явственен в рассказе о молодости баронессы Шталь.

«Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!» - здесь уместно вспомнить известное восклицание Маяковского. Мертвую книжность в натурах Шталь и Вареньки выставляет автор, отвергая ее в любимых героях. Сергей Иванович Кознышев (писатель и общественный деятель, сводный брат Левина) и Варенька – холодны в своих мыслях и чувствах, сватовство, затеянное Кити, не удастся. Кознышев и Варенька – это «книжное», Левин и Кити – упоительно живое.

Образ Незнакомки у Блока постепенно, от строфы к строфе наполняется жизнью.

Девичий стан, шелками схваченный...

Похоже на вызов духа спиритами (спиритизм, как известно, в моде во времена Блока). Сначала она – бесплодный дух, шелковая материя прихватывает почти пустоту, только угадывается фигура. И вот эфир становится живым, дышащим телом.

Через строфу:

...Ее упругие шелка...

В «Анне Карениной» есть диалог о спиритизме, причем выясняется, что Левин в спиритизм не верит.

Вера поэта наполняет жизнью Незнакомку.

Кити разочаровывается в баронессе Шталь, больше не верит в нее:

«...Божественный образ госпожи Шталь, который она месяц целый носила в душе, безвозвратно исчез, как фигура, составившаяся из брошенного платья, исчезает, когда поймешь, как лежит это платье».

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Блок, подобно многим современным ему художникам, болезненно чувствительный к пошлости, противопоставляет любовь и пошлость.

В творчестве Толстого, думается, нет этого противопоставления. Если посмотреть на роман «Анна Каренина» глазами Блока (но не Толстого), черты самодовольного пошляка можно увидеть в Стиве Облонском, даже в трагическом Вронском.

Гуляя в своем имении среди новых построек с верной милой Долли Облонской, приехавшей к отверженной Анне, Вронский останавливается, снимает шляпу, и Долли неприятно поражает, что глаза его смеются. Вронский - остроумен и доволен собой?

В романе Толстого Вронский и Стива Облонский (неверный муж «несчастной Долли») объединены в речи старого князя Щербацкого, который противопоставляет им Левина. Князь Щербацкий – о Вронском: «Левин в тысячу раз лучше человек. А это франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну статью, и все дрянь».

Заметна некоторая «механистичность» блоковских остряков в котелках.

В начале романа говорится, что Стива Облонский выбирал взгляды на общественную жизнь, как модную шляпу. «А иметь взгляды ему, жившему в известном обществе, при потребности некоторой деятельности мысли, развивающейся обыкновенно в лета зрелости, было так же необходимо, как иметь шляпу».

Чуть золотится крендель булочной...

Левин и Стива Облонский обедают в ресторанчике. Речь заходит о супружеской неверности.

Прямодушный Левин говорит:

«Извини, но я решительно не понимаю этого, как бы... все равно как не понимаю, как бы я теперь, наевшись, тут же прошел мимо калачной и украл бы калач.

Глаза Степана Аркадьича блестели больше обыкновенного.

- Отчего же? Калач иногда так пахнет, что не удержишься».

И раздается детский плач...

Впервые уличенному в неверности, поссорившемуся с женой, Стиве стыдно детей.

« - Долли! – проговорил он, уже всхлипывая. – Ради Бога, подумай о детях, они не виноваты...»

- Ты помнишь детей, чтоб играть с ними, а я помню и знаю, что они погибли теперь...»

Смерть литературного героя, к которому читатель привык и полюбил - нравственное потрясение. Потрясенный читатель расстается с героем, но в глубине души не верит в его смерть. Смерть Анны реальна для Вронского, глаза которого теперь перестали смеяться, стали мертвыми. Он не может вспоминать об Анне, воспоминания его отравлены.

Но для читателя Анна остается живой.

Свидание Анны с маленьким Сережей:

« - Но что же ты думал обо мне? Ты не думал, что я умерла?»

- Никогда не верил.

- Не верил, друг мой?»

«Темная вуаль», «в кольцах узкая рука» Незнакомки напоминают об Анне.

Тема Прекрасной Дамы слышна в романе Толстого в описании чувств Сережи, покинутого Анной.

«Нынче в Летнем саду была одна дама в лиловом вуале, за которой он с замиранием сердца, ожидая, что это она, следил, в то время как она подходила к ним по дорожке».

Он вспоминает ее «белую с кольцами руку».

«И он вот-вот ждал, что она подойдет к нему, поднимет вуаль».

Над скукой загородных дач...

Известно, что толчком для написания «Анны Карениной» послужил пушкинский отрывок «Гости съезжались на дачу». Толстой предполагал начать роман картиной подобного светского вечера. Вечер на даче у княгини Бетси Тверской, явно отсылает к Пушкину. И вот, оказывается, «самому веселому обществу Петербурга», «не весело, а ужасно, ужасно скучно».

Лиза Меркалова – молодая светская дама, ребячливая и порочная, которая говорит о скуке, образ, в котором отзывается и невинная Лиза «Пиковой дамы».

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

Когда Долли навещала Анну в имении Вронского, ночью катались на лодках. Анна и Вронский, живущие как семейная пара - все же, не настоящая семья, их супружество не устраивается. Анна похожа на бойкую содержанку. «Неправильность» в отношениях становится все более явной. Долли чувствует фальшь:

«Весь этот день ей все казалось, что она играет на театре с лучшими, чем она, актерами и что ее игра портит все дело...»

После ночной прогулки в лодке, оставшись в одиночестве, чистая Долли чувствует облегчение.

Из «Крейцеровой сонаты» Толстого:

«В один вечер, после того, как мы ездили в лодке и ночью, при лунном свете, ворочались домой, и я сидел рядом с ней и любовался ее стройной фигурой, обтянутой джерси, и ее локонами, я вдруг решил, что это она. Мне показалось в этот вечер, что она понимает все, все, что я чувствую и думаю, а что чувствую я и думаю самые возвышенные вещи»

В «Крейцеровой сонате» Толстой развенчивает отношения, подобные любви Левина и Кити. Автор стремится сказать всю правду до конца, ничего не утаивая, но невольно «оговаривает» прежних героев.

«Левин был женат третий месяц. Он был счастлив, но совсем не так, как ожидал... На каждом шагу он испытывал то, что испытывал бы человек, любовавшийся плавным, счастливым ходом лодочки по озеру, после того, как он бы сам сел в эту лодочку... Надо грести, ... непривычным рукам больно...»

Незнакомка сидит у окна.

Первый раз семейная ссора произошла между Левиным и Кити, когда Левин, возвращаясь с дальнего хутора, запоздал, а Кити «эти полчаса ... неподвижно провела, сидя на окне».

«Во все это первое время особенно живо чувствовалась натянутость, как бы подергивание в ту и другую сторону той цепи, которою они были связаны».

И странной близостью закованный...

«Левин поцеловал с осторожностью ее улыбающиеся губы, подал ей руку и, ощущая новую, странную близость, пошел из церкви».

Гуманизм мировосприятия пушкинской повести – в соотношении драматического пафоса и пародии, страшного и смешного, шутки и тайны.

Пушкин вышучивает тему обретения веры в рыцарском служении Прекрасной Даме. Здесь вспомним не только знаменитое стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный» (рыцарь, как известно, был по уши влюблен в Мадонну), но и эпизод «Пиковой дамы».

Трагизм крушения идеалов смягчается шуткой. Молодая графиня, почти богиня «Московская Венера», имела большой успех в Париже, по словам Томского: «Ришелье за нею волочился, и бабушка уверяет, что он чуть было не застрелился от ее жестокости». Ришелье – духовная особа, кардинал, обретает веру в светском волокитстве.

Сцена пушкинской повести, когда старая графиня с помощью трех девушек совершает свой пышный по старинной моде и жалкий туалет, следует сразу за эпизодом рассказа Томского.

Думается, последовательность не случайна, и сцена одевания графини, неся реальный смысл, одновременно, является метафорой. Мы попадаем в творческую лабораторию Томского, как исторического бытописателя, и следим за движением творческого процесса.

Тема сочинительства, тема искусства заявлена в пушкинской «Пиковой даме». Талант и тяготение к искусству имеют и Томский и Германн. Историко-мистический анекдот Томского о трех картах не подействовал бы на воображение Германна столь сильно, если бы Томский не придал рассказу блеск и обаяние подлинности.

Германн не понимает склонности Томского к изящным пародиям. Как натура цельная, страстная и неиспорченная, Германн все воспринимает слишком всерьез.

Художественное сознание исторического бытописателя, застигнутое кризисом. Он сохраняет знания и привычки писателя, но не может одухотворить, наделить душой тщательно воссоздаваемую эпоху. Он, прежде всего, сам должен поверить в олицетворение эпохи – Прекрасную Даму - и согреть любовью оставленный идеал.

Душа графини остается скрыта в пушкинской повести.

«Приехав домой, бабушка, отлепливая мушки с лица и отвязывая фижмы...»

Кажется, вот-вот тайна откроется читателю, но этого не случается.

Что-то милое и простое есть в графине Анне Федотовне, героине семейного предания. О Сен-Жермене:

«Бабушка до сих пор любит его без памяти и сердится, если говорят о нем с неуважением».

Образ графини скользит из одной реальности – в другую. Реальность социальная: старая светская дама с добродетельной репутацией, бабушка взрослого внука. Реальность карточной игры: Пиковая дама. Реальность историческая: одна из прелестных женщин эпохи, оставленный идеал прошлых лет, вроде чудесной фарфоровой куклы, любимой в детстве...

Наташу Ростову в «Войне и мире» читатель первый раз видит тринадцатилетней девочкой. Перед нами разворачивается реальный сюжет, но, одновременно, сложнейшая картина замысла в развитии, когда читатель участвует в радостном процессе «наделения душой» Наташи.

« - Видите? ... Кукла... Мими... Видите.

И Наташа не могла больше говорить (ей все смешно казалось). Она упала на мать и расхохоталась так громко и звонко, что все, даже чопорная гостья, против воли засмеялись».

Реализм Толстого заслоняет реальность волшебной сказки. И все же, можно уловить сказку в «Войне и мире».

Так, отзвук сказки – в образе Долохова. Заколдованный царевич.

Любовь Долохова к Соне («черненькая», «грациозная девочка») напоминает чувство Германна к Лизе.

Первый раз читатель встречает Долохова на пирушке у Анатоля Курагина, куда заезжает провести вечер Пьер Безухов. Долохов, как, наверно, и всегда - герой дня. Среди гостей – медведь, с которым Пьер кружится, вальсируя по комнате. Этот медведь, вероятно, еще и метафора душевного состояния Долохова – заколдованность его прекрасной души, обращенность в зверя до пробуждения любовью.

Гораздо позже состоявшаяся дуэль Пьера Безухова и Долохова (Пьер вызывает его) – результат отношения Пьера к Долохову как к опасному, сильному зверю.

В вещем сне Татьяны в «Евгении Онегине», когда она предвидит несчастный поединок Онегина и Ленского, в этом сне, Онегин обращен в зверя (Татьяне снится медведь).

Николай Ростов, уже гусар, приехавший в отпуск, и пятнадцатилетняя Наташа Ростова, уговаривают Денисова станцевать с Наташей на «детском балу» «польскую мазурку»:

« - Ну полно, Вася, - сказал Николай.

- Точно кота Ваську уговаривают, - шутя сказал Денисов.

- Целый вечер вам буду петь, - сказала Наташа.

- Волшебница все со мной сделает! – сказал Денисов и отстегнул саблю».

Волшебная сказка заявляет о себе самым сказочным мотивом: превращение кота в любезного кавалера.

У Лукоморья дуб зеленый –

Златая цепь на дубе том.

И днем и ночью кот ученый

Все ходит по цепи кругом.

В знаменитом вступлении к «Руслану и Людмиле» речь идет не столько о сказке, сколько о сказочной прелести отечественной истории, о круговороте истории, о радостном возвращении жизни «на круги своя».

Возможно, дуб Андрея Болконского, символизирующий вечное обновление жизни, имеет прообразом пушкинский зеленый дуб у Лукоморья.

В эпилоге «Войны и мира» Васька Денисов, согревающийся душой возле семейств Наташи и Николая, как будто, обращается в свое прежнее состояние – ученого кота, пушкинского стража истории.

Примечание. Статья опубликована издательством LAP Lambert Academic Publishing в составе сборника В. Ждановой «Кукольный дом».

Приложение.

В качестве приложения публикуется стихотворение В. Ждановой «Герман и Лиза», в котором трансформируются мотивы пушкинской «Пиковой дамы».

Герман и Лиза

(фантазия на тему «Пиковой дамы»)

Она говорила,
Что он разбил ей сердце
И предал ее.
Но кажется,
Это были
Просто слова
Из детской книжки.
...Вечера он проводил,
Глядя на карточных игроков,
Стараясь вычислить
Траекторию выигрыша
И заключить ее
В четкую формулу...
...Он выиграл
Огромные деньги в карты.
И поехал путешествовать,
Считая пограничные столбики.
Его бесконечно умиляли
Маленькие размеры государств.
Если свесить ноги с холма,
Уже попадаешь на чужую территорию.
Ему понравился этот городок.

Его развеселил
Довольный вид
Собак на улицах.
Он подладил под себя
Этот городок.
Устроив себе карточный домик
С палисадником.
Но он любил вспоминать
Мрачное и тревожное время.
Тогда
Он грыз шоколад в кондитерской.
А выходя в переулок,
Долго стоял под окнами
Угрюмого особняка.
Она появлялась в окошке,
Будто кукушка из часов.

